

ГУВЕРНЕРЫ В СЕМЬЕ ГОЛИЦЫНЫХ 1760–1780 гг.

В сфере применения методов обучения русской дворянской элиты и на государственном, и на частном уровне Россия занимала в Европе XVIII в. положение далекой провинции, где были озабочены заимствованием западноевропейских образцов не только потому, что те представлялись эффективными, лучшими и достойными подражания, но также и потому, что именно европеизация была целью русских дворян. С этой точки зрения практика приглашения на службу иностранных гувернеров, становившаяся все более распространенной во второй половине XVIII в., была весьма характерным явлением. В большинстве случаев речь шла об обучении детей, в основном мальчиков, немецкому и французскому языкам; преподавание других дисциплин в лучшем случае отходило на второй план. Таким образом, роль гувернера была тем более важна, что он иногда являлся единственным учителем ребенка. Его роль приобретала ключевое значение в случае, если его задача состояла в полной организации образовательного процесса и обучения подопечного, а тем более – в сопровождении его в путешествии за границу, если Большое турне входило в план обучения.

Голицыны, клан русской аристократии

В подтверждение данного тезиса рассмотрим один малоизвестный пример, при изучении которого мы можем опереться на широкую документальную базу, мало чем уступающую архивам семьи Строгановых. Это – документы Александра Михайловича Голицына (1723–1807), крупного вельможи, дипломата, вице-канцлера Российской империи в 1762–1773 гг. и сенатора до 1777 г., занимавшегося коллекционированием и благотворительностью¹. Среди других ценных источников, этот

---

* Владимир Берелович, профессор Женевского университета и Высшей школы социальных наук (Париж).

¹ Сведения об Александре Михайловиче Голицыне см.: Рыкова О. Из истории рода князей Голицыных // Голицынский музей на Волхонке. Каталог выставки Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 2004. С. 33–43. Архив вице-канцлера находится в: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Фонд Голицыных располагается под шифром 1263. Переписка вице-канцлера объединена в Оп. 1.

обширный фонд включает в себя значительный массив документов на русском и французском языках за период 1767–1789 гг., касающихся образования юных Голицыных, родственников вице-канцлера – Николая Алексеевича (1751 г. р.), Дмитрия Михайловича (1758 г. р.), Михаила Петровича (1764 г. р.), братьев Михаила Андреевича, Бориса Андреевича и Алексея Андреевича (1765, 1766 и 1767 г. р. соответственно), Александра Николаевича (1768 г. р.) и Александра Михайловича (1772 г. р.) (перечислены по порядку рождения)².

Все они приходились друг другу двоюродными или троюродными братьями, и то внимание, которое уделялось им в переписке вице-канцлера, было связано с его участием в их образовании. Такую заботу можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, некоторые из них еще в детском возрасте остались без родителей, и Александр Михайлович Голицын был назначен их опекуном. Другие опекуны, также принадлежавшие роду Голицыных (как правило, двоюродные братья вице-канцлера), также прибегали к его помощи, а потому он играл более или менее ведущую роль в организации образования своих, как он их всех называл, «племянников». Обращались к нему и здравствующие отцы сыновей – его родные братья Михаил Михайлович и Петр Михайлович и его двоюродный брат Алексей Дмитриевич. Еще до кончины в 1783 г. своего полного тезки – старшего двоюродного брата, фельдмаршала Александра Михайловича, занимавшего по законам аристократической иерархии более высокое положение, – вице-канцлер уже был склонен считать себя главой рода и принимал близко к сердцу судьбы членов своей семьи. Именно поэтому (и его переписка это доказывает) он заботился об образовании подрастающего поколения, рассчитывая на то, что молодежь будет достойна своих знаменитых предков. Тем более что вице-канцлер, отец незаконнорожденных детей – Александра, Каролины-Екатерины и Генриетты-Дарьи – разумеется, не надеялся продвинуть их так же высоко, как своих племянников.

Большое турне и проблема выбора губернатора

Пути всех этих молодых людей в образовании во многом совпадали: каждый под руководством губернатора совершил путешествие за границу, в которое входило двух-трехгодичное обучение в одном из университетов Западной Европы (в Лейдене или, чаще всего, в Страсбурге), за которым в ряде случаев следовало Большое турне по Европе, продолжавшееся также два-три года. Каждый раз и образование в уни-

---

² Все сведения о генеалогии рода Голицыных в словаре дворянских родов России: *Ikonnikov N. La noblesse de Russie. P., 1956–1966.*

верситете, и организация путешествия являлись результатом тщательного планирования, «проекта», составленного губернатором или другими лицами, которые давали указания губернатору. Этот план, разумеется, представляли семье, в частности, Александру Михайловичу.

Это долгое путешествие, которое, как правило, начиналось, когда воспитаннику было 15-16 лет (иногда больше), являлось завершающим этапом обучения молодых князей. Именно во время поездки они должны были приобрести знания и манеры, необходимые для их дальнейшей карьеры на службе у императрицы («на благо Отечества») или в «свете». Таким образом, выбор губернаторов был важнейшей составляющей всего предприятия. Нами было выявлено восемь губернаторов, один из которых был подданным Российской империи, украинцем Яковом Ивановичем Сокологорским, ранее занимавшим должность ассессора в Коллегии иностранных дел, и восемь иностранцев, либо французов (в основном, эльзасцев), либо немцев: Кох (Koch), Хэкель (Haeckel), Массне (Massenet), Блессиг (Blessig), Тиман (Tie-man), Брикман (Brickmann), Нелнер (Noellner), Бернар (Bernard³). Все владели французским языком, но родным для некоторых из них был немецкий. Практически все говорили по-немецки: свободное владение этими двумя языками, особенно французским, входило в число требований семьи. За исключением майора Тимана, который ранее служил в австрийской армии, все губернаторы, по всей видимости, были профессионалами в области образования, хотя в переписке Голицыных нет каких-либо дополнительных сведений на сей счет.

Процесс отбора губернаторов находил отражение в интенсивной переписке, в особенности, между вице-канцлером, писавшим сначала из Санкт-Петербурга, а после ухода со службы в 1773 и 1777 гг. – из Москвы или из своего поместья в Пехре⁴, его двоюродным братом Дмитрием Михайловичем – министром, затем послом в Вене в 1761–1792 гг., и Христофором-Вильгельмом Кохом – учеником Шепфлина, профессором Страсбургского университета, где он служил преподавателем словесности и библиотекарем. Кох был главным советчиком этих двух представителей рода Голицыных в вопросах образования. С конца 1760-х годов такое положение вещей постепенно закрепляется, хотя его привлечение к этому процессу в некоторой степени стало следствием случайного стечения обстоятельств: Фридрих Кох, брат Христофора, был секретарем посла и, согласно разным источникам, в

³ В некоторых случаях его имя писалось как «Bernaert».

⁴ Или «Пехорки», как называет его по-русски Голицын в своих письмах. Это поместье располагается на востоке от Москвы.

1767 или 1770 г. поступил на русскую службу, после того как и сам поработал гувернером. Конрад Кох, третий брат, в 1767–1771 гг. был гувернером Николая Алексеевича Голицына. Между Россией, Веной и Страсбургом быстро развивалась «сеть» как дипломатических, так и университетских (или «околоуниверситетских») отношений, и именно здесь клан Голицыных находил гувернеров.

Страсбург пользовался особым предпочтением семьи, и только Лейден мог составить ему некоторую конкуренцию, выступая либо заменой Страсбургу, либо следующим после Страсбурга местом учебы. По тем же отзывам упомянутых нами лиц, Страсбург соединял в себе преимущества университетского центра, где было немало военных, где говорили по-французски и по-немецки и где сложилось приличное общество, более приемлемое, чем известные своей «неотесанностью» жители немецких городов. В то же время в Страсбурге не было тех пороков и опасностей, что встречались в таких крупных столичных городах, как Париж, Лондон или Вена. В 1781 г. Александр Михайлович имел все основания написать своему племяннику Дмитрию, путешествовавшему по Европе: «Скоро вы окажетесь в гнезде порока. Вы знаете, что я имею в виду Париж. Вот где необходимы твердость и благоразумие»⁵.

И в самом деле Лейден представлял собой меньшую опасность, но он в то же время и менее подходил для обучения молодых людей великосветским манерам. Кроме того, в процессе обучения присылаемых ему студентов Шепфлин уже установил особые отношения с русским двором: императрица Елизавета Петровна даже сделала безуспешную попытку пригласить его в Санкт-Петербургскую академию наук. Он основал свою «Школу», именуемую «дипломатической», которую унаследовал Христофор Кох и которая получила одобрительные отзывы ряда русских аристократов, в том числе и тех Голицыных, о коих идет речь в этой статье⁶. Кох соглашался взять на пансион некоторых учеников вместе с их гувернерами, ссылаясь на свою «привязанность» не только к России, но и к семье Голицыных.

Значение, которое семья придавала гувернерам, выражается в размере выплачиваемого им жалованья. Так, в 1767 г. Конрад Рене Кох

⁵ См.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 7201. Л. 37–37 об. Если не оговорено дополнительно, цитируемые тексты в оригинале написаны по-французски. Все цитируемые документы взяты из одного фонда и описи, поэтому далее будут указаны только номера дела и страниц.

⁶ О дипломатической школе и русских студентах в Страсбурге см.: Voss J. Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Wiesbaden, 1997. P. 351–371. См. также: Berelowitch W. Aleksej Jakovlevič Polenov à l'université de Strasbourg (1762–1766) : l'identité naissante d'un intellectuel // Cahiers du Monde russe. 2002. N 43/2-3 avril-septembre. P. 295-320. Здесь есть и библиографические сведения по истории Страсбургского университета.

получал 600 гульденов (или рублей); Хэкель ту же сумму получал в 1776 г.; Массне 4 000 французских ливров (более 650 рублей) в 1785 г.; Нелнер 500 гульденов в 1787 г. Суммы всегда значительны и почти равнозначны, небольшие колебания можно объяснять несколькими факторами, например, подорожанием жизни и инфляцией, но также и предъявляемыми к гувернерам требованиями в зависимости от их квалификации и важности поставленной перед ними задачи, каковой, в частности, могло быть сопровождение воспитанника в европейском путешествии.

По завершении обучения гувернеру могли дать дополнительное вознаграждение, что иногда даже оговаривалось письменным договором: 100 дукатов (500 гульденов или 200 рублей) или золотую табакерку.

Самым ярким примером такого рода было положение Сокологорского в 1784 г.: он получал 1000 рублей в год, не считая предоставления ему некоторых других привилегий, главной из которых была пожизненная пенсия в размере 400 рублей. В России того времени такая пенсия была крайне редкой: лишь очень высокопоставленные или очень заслуженные лица могли рассчитывать на получение ее от императорского двора. Это показывает, насколько высоко наниматели ценили сего «честного опекуна». В 1780-х гг. кузены Голицыны все чаще горько жаловались друг другу на трудности в поисках хорошего гувернера и приходили к выводу, что выплата жалованья в 1000 рублей в год становится практически неизбежной.

Функции гувернера

Как известно, личность гувернера была довольно широко представлена в литературе, апофеозом чего стал «Эмил». Тем более удивительным представляется факт, что некоторые общепринятые представления, доведенные Руссо до крайности, были широко распространены уже в то время и встречаются в переписке Голицыных.

В одном письме или, скорее, в записке об образовании, адресованной Кохом вице-канцлеру в 1767 г., читаем: «Первое, на что мы должны обратить внимание, – это, конечно, выбор гувернера». Надо определить необходимые для этой должности качества: он должен быть «человеком благоразумным и умеренным, обладающим сдержанным и кротким нравом, наряду с необходимой для изучения характера своего ученика рассудительностью, должен составить план работы с учеником и верно и неукоснительно следовать этому плану».

Важным является развитие ума, именно для этого необходимы занятия с университетскими профессорами. Но еще важнее «развитие

душевных способностей молодого человека и внушение ему принципов добродетели и морали». Далее Кох добавляет:

Возможно, излишним покажется требовать от обладающего такими достоинствами гувернера умения подать себя в обществе и обучить правилам света молодого человека, чтобы тот при этом не перенял недостатков света. Однако в наш век это умение слишком важно, чтобы можно было им пренебречь⁷.

Утверждения, без сомнения, ничем не примечательные для 60-х гг. XVIII в., столь богатых на педагогические произведения, но именно эта обыденность помогает нам лучше понять причины широкого распространения идей Руссо и ту почву, на которую они падали. Здесь, по сути, проявились две ключевые составляющие педагогики века Просвещения: упор на воспитание (больше чем на образование) и ведущая роль гувернера. В то же время отметим, что высказанные в письме положения являются результатом компромисса между требованием нравственного воспитания и необходимостью приобщения молодого человека к свету, поскольку молодые Голицыны должны были идти в ногу со временем. Этот компромисс достигает кульминации в подчеркнутом противопоставлении «правил света», которым следует научиться в соответствии с уже традиционным для светского человека воспитанием, и «недостатков» этого общества, столь резко осуждаемых «Женевским гражданином» и другими авторами. Это внутреннее противоречие, выраженное часто даже в тех же словах, что и у Руссо, присутствует в переписке Голицыных, которые наперебой повторяют мысль о том, насколько становится все сложнее найти хорошего гувернера. В качестве примера можно процитировать письмо 1785 г. бывшего вице-канцлера своему двоюродному брату Дмитрию, где приводится суждение Сокологорского о Блессиге, которого тот находит «слишком неискушенным и слишком низкого происхождения», чтобы сопровождать племянников Голицына в путешествии. «При тех затруднениях и сложностях, с которыми сталкиваешься в поисках гувернера, и при той нехватке достойных и пригодных к этому людей, – жалуется Голицын, – приходится, однако, довольствоваться тем, что есть <...>»⁸.

Записка Коха послужила основой для всех составленных вице-канцлером распоряжений и рекомендаций, которыми пестрят его письма к родственникам, гувернерам и иногда племянникам. В своих указаниях Сокологорскому, назначенному сопровождать Михаила, Бориса и Алексея в заграничном путешествии, он, к примеру, пишет в 1780 г.:

⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 7201. Д. 306. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 1156. Л. 48.

Прежде всего я прошу Вас, сударь, приложить все Ваши старания к их воспитанию и привить им основы морали и нравственности, которые смогут послужить им в различных жизненных обстоятельствах, и, соответственно, определить те устои, что будут руководить их нравом и поведением. Я полагаюсь не только на Ваши таланты, но и на Ваше знание света, и [Вы должны] преподать им принятые в нем правила, предостерегая при этом от дурных примеров⁹.

В 1785 г. Дмитрий Голицын в ответ на уже цитированное выше письмо своего двоюродного брата, в котором тот сомневался в способности Блессига достойно выполнить роль гувернера во время путешествий его подопечных, пишет: «Касательно г-на Блессига: я в полной мере разделяю мнение Вашего превосходительства, поскольку и сам прекрасно понимаю разницу между компетенцией репетитора коллежа [речь идет о Блессиге] и качествами, необходимыми наставнику». Поэтому при содействии Коха надо заменить Блессига на «кого-нибудь более подходящего, привычного к путешествиям и обладающего хорошими, способными внушить уважение и доверие, манерами наряду со знанием света и людей, иными словами, который стал бы образцом и советчиком для доверенных ему молодых людей»¹⁰.

Таким образом, хороший гувернер, помимо добродетельности и порядочности, должен был обладать знанием света и умением передать все эти достоинства своему ученику.

Однако удовлетворить всем этим требованиям оказывалось довольно сложно: обязанности гувернера предполагали индивидуальный подход к ученику, успех коего зависел от «дружбы», «симпатии», «привязанности», которые необходимо суметь пробудить в своем ученике, а столь большие запросы к гувернеру грозили обострением отношений с ним.

Так, Филипп Хекель, нанятый в 1776 г. на 6 лет Петром Михайловичем Голицыным (при посредничестве все того же Александра Михайловича), дабы завершить образование его сына Михаила, подписал договор, приняв на себя следующие обязательства:

Я приложу все старания к воспитанию и образованию моего ученика; я постараюсь завоевать его доверие и привязанность; я буду всегда держать его в поле зрения и в преподавании буду в первую очередь опираться на те знания, которые могут способствовать развитию его талантов, и с самого начала возвращать в нем семя добродетели. Одним словом, я всем сердцем проникнусь значимостью моей должности и сложностью поставленной передо мной задачи в воспитании молодого дворянина, по праву своего рождения призванного однажды занять видное место среди сограждан¹¹.

⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.-2.

¹⁰ Там же. Д. 1156. Л. 61 об.

¹¹ Там же. Д. 958. Л. 1.

Принятие на себя таких высочайших обязательств гувернером не является шаблонной фигурой речи, простое повторение которой не влекло за собой никаких последствий: все это воспринималось очень серьезно по той простой и очевидной причине, что гувернер замещал родителей и, следовательно, отвечал за поведение подопечного.

Гувернеры не забывали демонстрировать свое влияние на учеников, а при необходимости и подчеркивали, что они их в буквальном смысле преобразили. Так, например, в 1781 г. Бернар заверял Михаила Михайловича Голицына в оказываемом им внимании к его сыну Александру: «<...> и тем не менее меня принуждал бы к этому не долг, я бы делал это из любви, которую я питаю к нему и которую он заслуживает во всех отношениях. <...> **Пребывание со мной изменило его в последние два-три месяца <...>**»¹²

Представление гувернеров о высоком предназначении своей деятельности, разделяемое их нанимателями, особенно ярко проявлялось в конфликтах, возникавших иногда между Голицыными и некоторыми гувернерами. К примеру, Массне, которому после ухода Сокологорского поручили образование Михаила Андреевича Голицына, продемонстрировал крайнюю самонадеянность в оценке себя и своей должности, чем вызвал гнев вице-канцлера, написавшего своему двоюродному брату, служившему послом в Вене: «Пуускай он полезен нашему племяннику, но притом его надменность, самолюбие, причудливость и корыстолюбие совсем несносны»¹³. В частности, он подозревал его в изменении плана путешествия воспитанника в угоду собственным интересам: «А я всегда примечал, что господа менторы¹⁴ во всех случаях чрез меру излишне предпочитают свои собственные выгоды и удовольствие благосостоянию своих телемаков¹⁵». «Вероятно, только г-н Тиман своим иным поведением составит исключение»¹⁶.

Однако посол, придерживавшийся всегда более примирительной позиции (возможно, потому что он не являлся в данном отношении центральной фигурой, принимавшей решения, к тому же он был ближе к «местным» реалиям) ответил, что Массне удалось отвлечь Михаила от порока, направить его на путь истинный, и потому лучше будет позволить ему поступать, как он считает нужным, иначе он

¹² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 584. Л. 3. Цитата по копии письма Бернара.

¹³ Письмо Александра Михайловича двоюродному брату от 4 марта 1787 г., на русском языке Д. 1158. Л. 2.

¹⁴ Зачеркнуто: «гувернеры».

¹⁵ Зачеркнуто: «элевы».

¹⁶ Письмо Александра Михайловича двоюродному брату от 24 сентября 1786 г., на русском языке Д. 4120. Л. 6.

может обидеться и хлопнуть дверью¹⁷. Впрочем, такая его позиция практически неизменна: уже при других обстоятельствах он пишет своему кузену, что «единственное приемлемое решение, которое нам здесь остается, князь, это позволить г-ну Тиману действовать по его усмотрению»¹⁸. Того же Массне хвалит дяде сам воспитанник в письме за 1787 г., где рассказывает, что «вел во всем распутную жизнь», пока гувернер не внушил ему «почтение и любовь к нашему закону, к моему отечеству и к моей родине»¹⁹. И Александр Михайлович Голицын добавляет в ответ: «Опыт ваш и брата вашего князя Бориса Андреевича предовольно доказывает, сколь важно иметь достойного гувернера и сколь много он действует над нравами своих элевов. Ежели бы с самого начала ваших из отечества вояжев вы имели спутниками маснетов и тиманов то может-быть теперь были совершеннее»²⁰.

Эти примеры доказывают, что, несмотря на сварливость Александра Голицына, которую он демонстрирует в личной переписке с двоюродным братом, благоприятное и чрезвычайно важное влияние гувернера считается всеми общепринятым, в каком-то смысле «официальным» мнением.

Только однажды конфликт привел к отставке, которая сопровождалась бурными и претенциозными возражениями пострадавшей стороны. Это был Брикман, гувернер Дмитрия Голицына, в 1780 г. написавший Александру Голицыну следующее:

Мне крайне оскорбительно осознавать, что я не смог довести мою работу до завершения, а князя Дмитрия – до той цели, которую я себе наметил, которую, несомненно, достиг бы и которая оказала бы честь и ему, и всему роду Вашего превосходительства. Итак, его образование останется незаконченным. Я предвидел такую роковую развязку; лично я намеревался навсегда посвятить себя семье Вашего превосходительства и служить на благо Вашего княжеского рода так, как, думаю, ни один гувернер в России не служил. Но поскольку Ваше превосходительство не соизволило оказать мне полное доверие, ибо недостаток доверия равнозначен его полному отсутствию, я усмотрел в этом полную обреченность предприятия. <...> Я был к нему [Дмитрию] привязан всем сердцем и душой. Меня знают в свете и при дворе многие князья; князь Дмитрий видел, с каким почтением я относился к нему повсюду, я был ему полезен и... вот мне дали отставку²¹.

И здесь, как мы видим, постоянно идет речь о высоком предназначении гувернера, который посвящает всю свою жизнь образованию воспитанников. Однако этот случай показателен еще и по другой при-

¹⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1158. Л. 34.

¹⁸ Там же. Л. 180.

¹⁹ Там же. Д. 7221. Л. 3 об. 4. Письмо написано на русском языке.

²⁰ Там же. Л. 7 об. Цитата по черновику ответа, также написанному на русском языке.

²¹ Там же. Д. 645. Л. 14-14 об. Цит. по копии письма.

чине: отставка бедолаги произошла не по инициативе Голицыных. И в этот раз «за дирижерским пультом» был профессор Кох, который и обвинил Брикмана в неэффективности, высокомерии, грубости, а также – немаловажный момент, как мы видели – в мизантропии, поскольку это означало отказ от общения в свете. А ведь гувернер должен ввести князя в общество, и это, напомним, и было причиной, по которой Блессиг, гувернер Бориса и Алексея, так и не стал их сопровождающим в путешествии.

Таким образом, Голицыны молча терпели и глотали обиды, даже когда гувернеры выводили их из себя, ради сохранения хороших отношений между ними и своими племянниками. Невзирая на огромную разницу в социальном положении между опекунами и гувернерами, складывается впечатление, что опекуны зависели от гувернеров, опасаясь даже обидеть их, поскольку были убеждены, справедливо или нет, что образовательный процесс и наем гувернера являются столь рискованным и деликатным предприятием, что лучше избегать любого неосторожного шага. Только под конец, когда путешествие молодых людей уже близилось к завершению и они направлялись в Вену и Санкт-Петербург для вступления на военную службу или в брак, посол Голицын мог издать вздох облегчения в письме к двоюродному брату в 1787 г.: «[Вскоре] мы избавимся от их гувернеров»²².

Хорошо известно, что положение гувернера в Европе XVIII в. было незавидным, поскольку, с одной стороны, над ним довели его амбиции, связанные с увлекательной и постоянно восхваляемой обществу работой воспитателя, с другой – его реальный социальный статус и зависимость от власть имущих. Если рассматривать пример Голицыных, из которого не следует все же делать излишне широких выводов, то можно сказать, что у русских дворян чаша весов зачастую склонялась в пользу гувернеров, к которым они относились с уважением и даже с почтением, как показывает тон их писем. Это можно объяснить не только периферийным положением России в Европе, но также и, прежде всего, тем чрезвычайным значением, которое эти аристократы придавали образованию и воспитанию.

---

²² Письмо от 13 октября 1787 г. – Там же. Д. 1158. Л. 135 об.